Дайсэцу Тентаро Судзуки

Из книги " ВВЕДЕНИЕ В ДЗЭН-БУДДИЗМ"

/ Предисловие Карла Юнга /

перевод с английского

Работы Дайсэцу Тентаро Судзуки о Дзэн-буддизме принадлежат к числу лучших вкладов в изучение живого буддизма, появившихся за последние десятилетия, а сам Дзэн является основным плодом, выросшим на дереве, чьи корни уходят в собрание Палийского канона.[x] Трудно подыскать такую форму, которая была бы достаточна для адэкватного выражения благодарности автору прежде всего за то, что он сделал Дзэн более приемлемым для понимания Запада и, во-вторых, за тот способ, с помощью которого он достиг этой цели. Восточные религиозные концепции обычно настолько отличны от наших западных, что при попытке точного перевода слов /не говоря уже о значении тех или иных идей/, сталкиваются с такими трудностями, что при некоторых определенных обстоятельствах, их вовсе лучше не переводить. В качестве примера можно привести "ТАО", перевод которого на европейские языки до сих пор еще не сделан. Оригинальные буддистские тексты содержат взгляды и идеи, которые европейский интеллект едва ли способен усвоить. Я не знаю, например, какой именно духовный /или, может быть, климатический/ фон необходим для того, чтобы можно было бы дедуцировать полностью какую-либо ясную идею из буддистской "Камма". И несмотря на все это, что мы знаем сейчас о сущности Дзэна, в нем остается центральная проблема- восприятие непревосходимой сингулярности. Это странное восприятие называется САТОРИ и может быть переведено как ПРОСВЕТЛЕНИЕ. Судзуки говорит: Сатори- это суть Дзэна и без него нет Дзэна. Для западного

---

x Его происхождение восточные авторы связывают с "Цветочной проповедью" Будды. Как раз он однажды, не произнеся ни слова, указал своим ученикам на цветок. Только понял его.

интеллекта не слишком трудно понять, что имется ввиду, когда мистик говорит о просветлении или что понимает под ним на религиозном языке. Сатори, однако, описывает искусство и путь к просветлению, которые европейцу понять практически невозможно. Я сошлюсь на примеры в этой книге /00, 000/.

Следующий анекдот может послужить дополнительным примером: "Однажды к Мастеру пришел монах, чтобы узнать, где находится вход на путь истины. Мастер спросил его: Слышишь бормотанье ручья?- Слышу,- ответил монах.- Вход здесь,- сказал Мастер." Я ограничусь этими примерами, которые ярко иллюстрируют загадочность саториального опыта. Даже если мы рассмотрим множество дополнительных примеров, все равно нам остается непонятным, как такое просветление происходит и из чего оно состоит, другими словами, чему или в чем просветляются? Кайтен Нукарийя, профессор буддийского колледжа SO-TO в Токио говорит о просветлении следующее: "Освободив себя от ложного понимания Я, мы далее должны пробудить нашу внутреннюю мудрость, чистую и священную, называемую мастерами Дзэна Умом Будды, или Бодхи, или Праджня. Это- священный совет, внутренний рай, ключ ко всему моральным сокровищам, источник всех влияний и власти, обитель доброты, справедливости, симпатии, беспристрастной любви, человечности и милосердия, мера всех вещей. Когда эта внутренняя мудрость пробудится, мы становимся способны осознать, что каждый из нас идентичен в духе, в сущности, в природе с универсальной жизнью или Буддой, что все люди лицом к лицу с Буддой, что каждый окружен изобильной милостью Священного, что Он пробуждает его моральную природу, что Он открывает его духовные глаза,

что Он дарует ему новые способности, что Он определяет его миссию, и что жизнь вовсе не океан страданий, рождений, болезней, старости и смерти, не юдоль слез, но священный храм Будды, Чистая Земля, где каждый может наслаждаться блаженством нирваны. Тогда наше сознание полностью революционизируется. Нас больше не беспокоят гнев и ненависть, не потрясают злоба и амбиция, не жалят обиды и жалость, не переполняют меланхолия и разочарование и т.д."

Вот как восточный человек, последователь Дзэна, описывает сущность Просветления. Нужно признать, что этот пассаж нуждается лишь в самых незначительных изменениях, чтобы не быть не на месте в любой христианской книге благочестия. Тем не менее он не помогает нам в понимании саториального опыта, описанного с такой всеобъемлющей казуистичностью. Вероятно потому, что Нукарийя обращается к западному рационализму, солидную дозу которого он сам воспринял, все это звучит так плоско-назидательно. Глубокая неясность дзэнских анекдотов предпочтительнее подобной адаптации: ; она сообщает больше, хотя говорит меньше.

Дзэн- ничто иное как философия в западном смысле слова.[x] Это мнение выражено Рудольфом Отто в его предисловии к Охасамовской книге о Дзэне. Он говорит, что Нукарийя приспособил магический восточный мир идей к нашим западным философским категориям. Более того, он смешивает их друг с другом. Если уж психофизический параллелизм, наиболее скучная /вялая/ из всех доктрин, привлекается для объяснения этой мистической интуиции недвойственности, единственности и ,

---

[x] Дзэн- ни философия, ни психология.

в этом скучном случае мы полностью выходим из сферы коанов, кватсу и сатори. Гораздо лучше заранее позволить себе глубоко пропитаться экзотической неясностью дзэнских анекдотов и всегда помнить, что сатори- это , каким дзэнские мастера и хотят чтобы оно было. Между и мистическими просветлениями имеется, по нашему мнению, пропасть, на возможность перехода которой может быть в лучшем случае указано, но которая никогда не достигается на практике.[x] Имеется чувство прикосновения к истинному секрету, не нечто воображаемое или притворное; это не случай мистифицирующей секретности, но скорее опыт, сбивающий с толку все языки. Сатори приходит как нечто неожиданное, а не ожидаемое. Когда в христианском мире удостаиваются видения Святой Троицы, Мадонны, Распятия или Святого Отца, имеется впечатление, что более или менее так это и должно быть, то, что Яков Бёме перенесся в центр Природы / / при помощи Солнечного луча, отраженного в тонкой тарелке, также доступно пониманию. Труднее понять видение Мейстером Экхартом "маленького обнаженного мальчика" или сведенборговского "человека в красном плаще", который хотел отучить его от обжорства, и в котором, несмотря на это, а, возможно, ввиду этого, он узнал Господа Бога. Такие вещи трудно принять, так как они граничат с гротеском. Многие из саториальных опытов, однако, не просто граничат с гротеском, они именно в нем, в середине его и находятся, звуча подобно полным бессмыслицам.

Для тех же, кто посвятил значительное время изучению

---

[x] Если, несмотря на это, я предпринимаю далее попытку объяснить, я в то же время полностью отдаю себе отчет в том, что в смысле сатори то, что я скажу, может быть только бесполезно. Я не могу, однако, сопротивляться желанию попытаться подвести

с любовью и заботой о понимании двоякоподобной природы дальневосточного духа, многие из этих изумительных вещей, вводящих в смущение простого европейца, не окажутся препятствиями.

Дзэн, действительно, одно из самых удивительных порождений китайского духа [xx], который забеременел от Буддизма. Поэтому каждый, кто действительно попытается понять буддистскую доктрину, пусть даже до некоторой ограниченной степени- то есть путем простого отказа от различных западных предрассудков- дойдет до определенных глубин под эксцентричным покровом индивидуального саториального опыта или почувствует серьезные трудности, которыми философская и религиозная западная мысль пренебрегает вплоть до сегодняшнего дня. Как философы мы имеем дело исключительно с таким познанием, которое само по себе ничего общего не имеет с жизнью, а как христиане- ничего общего с паганизмом /благодарю тебя, Господи, что я не такой, как другие люди!/. В этих западных границах сатори отсутствует- это восточное занятие. Но так ли это? Неужели у нас нет сатори?

При внимательном изучении дзэнских текстов нельзя избежать впечатления, что, несмотря на переполняющие их причуды, сатори на самом деле, совершенно естественная вещь, нечто, настолько

х/продолж./
наше западное понимание по крайней мере к близости понимания- задаче, настолько трудной, что при выполнении ее можно совершить преступление против духа Дзэна.

[xx] "Дзэн, несомненно, одна из наиболее драгоценных и во многих отношениях одна из наиболее замечательных духовных милостей, дарованных восточному человеку."

простое[x], что за деревьями не видится леса, и в попытке объяснить это, неизбежно говорятся такие вещи, которые приводят других в еще большее смущение. Нукарийя поэтому прав, когда он говорит, что любые попытки объяснить или проанализировать содержание Дзэна по отношению к Просветлению будут безрезультатными. Тем не менее, этот автор рискует сказать о Просветлении, что оно представляет собой проникновение в истинную природу Я, что это освобождение сознания от иллюзий относительно Я [xx]. Эта иллюзия состоит в смешении /отождествлении/ и Я. Нукарийя понимает под Я- Всё-Будда, т.е. просто тотальное осознание жизни. Он цитирует Пан-Шана, который говорит: "Мир мысли заключает целую вселенную в своем свете", добавляя: "Это космическая жизнь и космический дух, и в то же время индивидуальная жизнь и индивидуальный дух. Как бы ни определять Я, это всегда нечто другое, чем "эго". ВВиду того, что высшее познание приводит к Я, последнее- вещь большего размаха, обнимающая знание и поэтому превосходящая. Точно также, как эго- это определенное знание о себе, так же и Я- знание моего эго, которое, однако, не воспринимается более в форме более широкого или высшего эго, но в форме не не-Эго.

---

x Судзуки, Опыты, I:I2. До изучения Дзэна для человека горы- это горы и вода- вода. Когда для него блеснет истина Дзэна, благодаря наставлениям хорошего мастера, горы для него- больше не горы, и вода- не вода; позднее, однако, когда он, действительно, достигнет места Покоя /т.е. сатори/, горы вновь становятся горами, а вода- водой.

xx Просветление заключается в проникновении /инсайте/ в природу Я. Это освобождение мысли от иллюзий относительно Я.

Подобные мысли также знакомы автору "Немецкой теологии": "Любое созидание, которое осознает это совершенство, должно вначале потерять всю свою тварность, и себя". "Если я возьму какое-либо добро для себя, то только от заблуждения, что есть- мое, или что я- Бог. Это всегда знак несовершенства и глупости. Когда я сознаю истину, я должен понять также, что я не Бог, что Бог не мой и не для меня. Человек говорит: О, я бедный глупец, я заблуждался, думая, что был этим, но я нашел, что это есть и стал воистину Богом."

В этих фразах уже достаточно информации относительно содержания Просветления. Наличие сатори интерпретируется и формулируется как прорыв через сознание, ограниченное Эго- формой, в форму не-ЭГО, подобного Я. Эта концепция отвечает природе Дзэна, а также и мистицизму Мейстера Экхарта. Мейстер говорит в своей проповеди по поводу "Блаженны нищие духом": Когда я пришел от Бога, все вещи сказали: Вот Бог! Но я не мог быть блаженным, потому что был созданьем /тварью/. Но в прорыве [x], когда я хотел оставаться пустым в воле Бога, а также опустошить эту волю Бога и всех его созданий, и самого Бога- тогда я более, чем все создания /твари/, ибо я не Бог и не тварь: Я- то, что я есть [xx], и чем останусь сейчас и навсегда. Затем я рванулся и вознесся выше всех ангелов. В этом рывке я стал так богат, что Бог не мог удовлетворить меня, несмотря на то, что он- Бог, несмотря на все

---

x В Дзэне также имеется подобный образ: когда мастера спросили, из чего состоит Буддость, он ответил: Дно кувшина пробито; другая анология в "разорвать мешок".

xx Судзуки: Дзэн- это прыжок в истинную, естественную природу человека, или распознание исходного человека.

его Божьи дела; ибо в этом прорыве я ощутил, что Бог и Я- одно и то же. Я есть то, чем я был, я не уменьшаюсь и не увеличиваюсь, я неподвижное бытие, движущее все вещи. Бог больше не пребывает в человеке, т.к. человек своей силой отвоевал то, чем он всегда был и чем будет всегда."

Здесь Мейстер описывает восприятие Сатори, освобождение Эго через Я, к которому добавляется природа Будды или Божественные универсалии.

Так как из-за научной осторожности я не собираюсь здесь делать какие-либо метафизические заявления, то, имея ввиду изменение сознания, которое может быть воспринято, я рассматриваю Сатори прежде всего как психологическую проблему.

Для всякого, кто не разделяет или не понимает эту точку зрения, это "объяснение" будет ничем иным как словами, не имеющими реального значения. Он не способен сделать эти абстракции связующим мостом к соответствующим фактам; другими словами, он не может понять, каким образом запах цветущего лавра /стр. 00/ или прищемленный нос /стр 00/ могут привести к столь резкому изменению сознания. Простейшей вещью было бы, конечно, отбросить все эти анекдоты в область занимательных волшебных историй, или, по крайней мере, если принять факты как таковые, рассматривать их как случаи самообмана. /Можно также с готовностью использовать при этом выражение "самовнушение"- этого патетического белого слона из собрания интеллектуальных нелепостей/. Однако, серьезное и благожелательное исследование странного явления не может легко пройти мимо этих фактов. Конечно, мы никогда не сможем решить с определенностью, действительно ли личность "просветлена" или "спасена", или она просто вообразила себе это. Мы не имеем критериев для этого.

Более того, мы достаточно хорошо знаем, что воображаемая боль зачастую гораздо болезненнее, чем так называемая- реальная, ибо первая сопровождается моральными страданиями, причиной которых является вытесненное чувство тайного самообвинения. Поэтому здесь следует говорить не о действительных фактах, а о духовной реальности. Все эти странные факты являются, так сказать, психическим проявлением события, известного в качестве сатори.

Каждое духовное событие- это и картина и воображение; там, где этого нет, не может быть сознания и феноменальности наличия /данности/. Воображение само по себе является психической данностью, и поэтому- назвать ли просветление реальным или воображаемым- совершенно безразлично.

Просветленный человек, или убеждающий в том, что он просветленный- в любом случае думает, что он просветлен. То, что другие думают об этом, ничего не может определить для него в отношении его опыта. Даже если он лжет его ложь духовный факт. Более того, даже если все религиозные свидетельства- ничто иное как сознательные выдумки и фальсификации, можно провести весьма интересное психологическое исследование о фактах такой лжи с таким же научным подходом, с каким психопатология подходит к изучению маний. Тот факт, что имеется религиозное движение, над которым многие блестящие умы работали в течение многих веков,- вполне достаточная причина для того, чтобы отважиться на попытку внести подобные психические события в область научного изучения.

Ранее я поднял вопрос, имеем ли мы что-либо подобное сатори на Западе? Если мы изучим высказывания наших западных

мистиков, на первый взгляд нам не откроется ничего такого, что хотя бы в малейшей степени могло быть связано с этим. Исходя из нашего способа мышления, трудно представить себе возможность существования этапов в развитии сознания. Простая мысль о том, что имеются огромные психологические различия между сознанием существования объекта и"сознанием сознания" объекта, граничит с неуловимостью, которую мы вряди способны охватить. Едва ли кто-либо настолько серьезно заинтересуется проблемой, чтобы принять во внимание психологические условия, необходимые для постановки подобных проблем. Характерно, что постановка вопросов, подобных этому не вытекает, как правило, из какой-либо интеллектуальной необходимости, но там, где она существует, она почти всегда коренится в примитивной религиозной практике. В Индии- йога, а в Китае- Буддизм поставляли мотивационную силу для попыток вырвать себя из оков обыденного состояния сознания, которое ощущалось как неполноценное. Что касается западного мистицизма, то его тексты полны инструкций о том, как человек может и должен освободить себя от Я-чества своего сознания, с тем, чтобы посредством сознания своего собственного бытия, подняться выше его и обрести внутреннего /богоподобного/ человека. Экхарт использует образ, известный также и индийским философам, а именно, дерево, корни которого наверху, а вершина внизу.[x] "И он должен вскарабкаться на дерево веры, которое растет вниз, т.к. корни его в голове бога."[xx]

---

[x] Есть старое дерево, его корни растут вверх, его ветки вниз. Оно называется Брахман, и он один неделающий. /
/. Нельзя предположить, чтобы этот фламандский мистик, родившийся в 1273 г., заимствовал этот образ из какого-либо индийского текста.

[xx] "Украшение духовного брака", 47.

также говорит, подобно йогам: "Человек должен быть свободен и без образов, свободен от всех привязанностей и пуст от всех тварей.[x] Его не должны трогать страсть и страдание, выгода и потери, возвышение и падение, заботы о других, наслаждение и страх, и он не должен привязываться ни к какой твари. Именно в этом состоит осознание единства бытия и это означает "быть обращенным внутрь". Это означает, что человек повергнут внутрь, в собственное сердце, так что вследствие этого он может чувствовать и понимать внутреннюю работу и внутренние слова Бога. Это новое состояние сознания, возникающее в результате религиозной практики, отличается тем, что внешние вещи более не влияют на подобное сознание, из которого возникает взаимная привязанность, но что пустое сознание остается открытым для других влияний. Это другое влияние не ощущается более, как собственная активность, но как работа не-Эго, имеющего сознание в качестве своего объекта.[xx] Дело обстоит так, как будто субъективный характер ЭГО преодолевается или замещается другим субъектом.[xx]

Этот вопрос хорошо известного религиозного опыта, сформулированного Св. Павлом /Послание Галатам, 2, 20/. Здесь несомненно описывается новое состояние сознания, отделенного от прежнего сознания процессом далеко зашедшей религиозной трансформации.

Можно возразить, что изменяется не само по себе сознание, а лишь сознание чего-то, как если бы мы, перевернув страницу книги, увидали бы новую иллюстрацию.. Я боюсь, что эта концепция- не более, чем произвольная интерпретация, так как она не согласуется с фактами. Дело в том, что мы не про-

---

x "Украшение духовного брака", 51.

xx"О, Бог, инструктируй меня в доктрине не-ЭГО". Цит. по " ". Судзуки: "Эссе..." I, 76.

сто видим различные картинки в тексте или различные объекты, но скорее ощущаем некую трансформацию восприятия, часто являющуюся результатом яростных духовных конвульсий. Исчезновение одной картины и ее замещение другой- это обыденное дело, не имеющее ни одного из атрибутов трансформационного опыта. Дело не в том, что по-другому видится нечто другое, но что видится то же самое, как если бы пространственный акт видения изменился бы при добавлении нового измерения. Когда мастер спрашивает: "Слышишь ли ты бормотанье ручья?"- он, очевидно, имеет ввиду нечто совершенно отличное от обычного слушания. x'

Сознание- это нечто вроде восприятия, и подобно последнему, оно подвержено условиям и ограничениям. Например, можно быть сознательным на различных уровнях, в узкой или широкой сфере, более искусственно или более [illegible] глубоко. Эти различия в степени, однако, часто являются различиями в характере, т.к. они полностью зависят от степени развития личности, т.е. от природы воспринимающего субъекта. Интеллект не интересуется состоянием воспринимающего субъекта до тех пор, пока последний мыслит сугубо логически. Интеллект по необходимости имеет дело с систематизацией /усвоением/ содержания сознания и с методами этой систематизации. Необходима философская страсть, заставляющая пытаться преодолеть интеллект и пробиться к восприятию воспринимающего. Такая страсть прагматически, однако, неотличима от силы религиозного мотива, и вся эта проблема в целом принадлежит поэтому к религиозному

---

xxx Дзэнский мастер говорит: "Никто иной, как Будда старается увидеть этот разум. / , 76/.

x' Судзуки говорит об этом изменении: "Прежние формы созерцания заботы"... новая красота "переосвежает мозг" или "прочищает алмаз"; I23/I, "Эссе..."/.

трансформационному процессу, несовместимому с интеллектом. Античная философия несомненно в огромной степени находится на службе трансформационного процесса,, что все менее и менее можно сказать про новую философию. Шопенгауэр имплицитно античен. Ницшевский Заратустра, однако,- это не философия, но драматический трансформационный процесс, полностью поглощающий интеллект. Более того, это не вопрос мышления, но в высшем смысле вопрос мышления о мышлении- и это на каждой странице книги. Новый человек, полностью трансформированный, появляется на сцене, он один, из тех, кто разбирает клетку старого человека и кто не только вглядывается в новый рай и новую землю, но и сам является их творцом.

выражает это гораздо менне сильно, чем Заратустра: "Мое тело- тюрьма, в которой цыпленок изолирован от духа вечности".

В христианском мире Сатори соответствует опыту религиозной трансформации. Ввиду того, что имеются, однако, различные типы и степени подобного опыта, необходимо четко отделить ту категорию, которая более всего соответствует дзэнскому опыту. К такой категории несомненно относится опыт, отличающийся от всех других тем, что подготовка к нему состоит из "потери себя", "освобождении от образов" и т.п. Он резко отличается от того религиозного опыта, который, подобно упражнениям Св. Игнатия, базируется на практике созерцания святых образов. В эту последнюю категорию /не-дзэнского опыта/ я хотел бы включить трансформацию путем веры и молитвы и общественный опыт в протестанстве, т.к. в них решающее значение играют весьма определенные установки, а не в коем случае не "опустошение" и не "освобождение". Утверждение, характеризующее последнее состояние,- "Бог есть ничто"- в принципе несовместимо с созерцани-

ем страстей, с верой и общественными ожиданиями.

Таким образом, поиски аналогий Сатори в западном опыте нужно ограничить теми немногими христианскими мистиками, чьи высказывания в защиту парадоксальности проходят по границе гетеродоксии или действительно переступают ее. Очевидно, что именно это качество навлекло на Мейстера Экхарта осуждение церкви. Если бы буддизм был церковью в нашем смысле слова, дзэнское движение было бы для него определенно невыносимой ношей. Причина этому- крайне индивидуальные формы методов[x], а также иконоборческая позиция многих мастеров[xx]. Но поскольку Дзэн- это движение, некие стандартные методы обучения дзэнских монахов постепенно оформились, как можно видеть из работы Судзуки [xxx], однако, и по форме и по содержанию они касаются только внешнего.

Помимо формирования определенных привычек, путь духовного обучения или формирования состоит из метода коанов. Под коаном понимаются парадоксальные вопросы, выражения или действия мастера. Согласно Судзуки, эта парадоксальность составляет самую суть этих вопросов, предлагаемых обычно в форме

---

x Сатори- наиболее интимный из всех индивидуальных опытов /"Эссе.." I,247/.

xx Мастер говорит своим ученикам: Мне действительно нечего сказать вам... /а если я не скажу/ никогда это не станет вашим собственным. Монах говорит мастеру: Я видел Будду, на котором ты ехал верхом. Мастер говорит: Понимание, которое не понимает- вот Будда. Нет другого /"Эссе.."I,69,59,57/

xxx Обучение дзэн-буддистских монахов. Киото, 1934.

анекдотов- в качестве темы для сосредоточения. Классический пример подобного анекдота- ВУ. Однажды монах спросил у мастера: Имеет ли собака также буддистскую природу?- на что мастер ответил: ВУ. Как замечает Судзуки, это "ВУ" означает просто ВУ. Очевидно, именно так бы собака сама ответила на этот вопрос.

На первый взгляд кажется, что предложение подобных вопросов для медитации означает предвосхищение или предположение окончательного результата, и что содержание медитации ввиду этого будет предопределено, подобно иезуитским упражнениям или некоторым медитациям йогов, субстанция которых определяется задачей, предложенной учителем. Коаны, однако, настолько разнообразны, настолько двусмысленны, и, сверх того, настолько ультрапарадоксальны, что даже эксперты остаются в полном неведении относительно того, что может возникнуть в качестве приемлемого решения.

Более того, описание опытов настолько неясно, что ни в одном случае невозможно ощутить какой-либо бесспорной рациональной связи между коаном и опытом. Так как правильность ответа никоим образом не может быть доказана логически, можно предположить, что метод коанов не накладывает ни малейшего ограничения на свободу духовного проявления, и что конечный результат поэтому и из ничего как индивидуальной установки ученика. Полное разрушение рационального интеллекта, преследуемого этой тренировкой, создается благодаря почти совершенному отсутствию сознательной установки. При этом исключаются насколько возможно, именно сознательные, но не бессознательные установки; т.е. существующая психологическая диспозиция, но невоспринимаемая, которая ничто иное как пустота и отсутствие установок. Это- естественно данный фактор, и

когда он отвечает в чем, очевидно, заключается сатори- это ответ самой природы, которая сообщает о своей реакции непосредственно сознанию.[x] То, что бессознательная природа студента противопоставляет учителю или коану в качестве ответа, проявляется как сатори. Именно эта точка зрения, как мне кажется, наиболее адекватно отвечает всем описаниям сущности сатори. Она также подкрепляется тем фактом, что "прыжок в свою собственную природу естественного человека" и глубина бытия зачастую являются для дзэновских мастеров предметом высшей заботы.

Дзэн отличается от всех других философских и религиозных медитационных практик принципом отсутствия установки. Сам Будда резко отвергается; в самом деле, он почти богохульно игнорируется, хотя- или возможно именно поэтому он, по-видимому, является сильнейшей духовной предпосылкой. Но он тоже образ и поэтому должен быть отброшен. Ничто не должно присутствовать за исключением того, что действительно здесь: т.е. человек с его тотальной бессознательной установкой, от которой, просто потому, что она бессознательна, он никогда не может освободиться. Ответ, который, очевидно, приходит из пустоты, свет, вспыхивающий в кромешной тьме,- всегда оказывается опытом удивительного и священного просветления.

Мир сознания является по необходимости миром, полным ограничений и стен, блокирующих путь. Он неизбежно односторонен, т.к. такова сущность сознания. Любое сознание может содержать в себе одновременно лишь несколько концепций. Все остальное должно лежать в тени, вдали от света.

---

x Дзэнское сознание... является прыжком в подсознание, /Эссе, П /

Увеличение объема одновременного содержания сознания приводит к его немедленному затуманиванию и спутанности вплоть до полной деформации. Сознание не просто требует ограничений, но по самой своей сути есть строгое ограничение, редукция к немногому и следовательно отличному /различающемуся/. Нашей общей ориентации мы обязаны просто и главным образом тому факту, что с помощью внимания мы способны вызывать сравнительно быструю последовательность образов. Внимательность, однако, это усилие, на которое мы не всегда способны. Поэтому мы имеем дело, так сказать, с минимумом одновременных восприятий и последовательностей образов. Следовательно, широкое поле возможных восприятий постоянно лимитируется, и сознание привязано всегда к самому узкому кругу. Мы не можем себе представить, что бы произошло, если бы индивидуальное сознание оказалось способным охватить взглядом одновременную картину всего, что оно может вообразить. Если бы человек смог преуспеть в построении картины мира из нескольких ясных объектов, которые он был бы способен воспринять одновременно, какой божественный спектакль предстал перед его глазами! Этот вопрос касается лишь потенциально возможных для нас восприятий. Но если мы добавим к этому бессознательное содержание,- т.е. содержание, которое еще не или уже не способно сознаваться- и затем попытаемся вообразить себе полный спектакль,- ну, это не по плечу даже самой дерзкой фантазии.

Бессознательное- это совокупность скрытых психических факторов, и само по себе оно не способно к проявлению. Это "тотальная выставка" потенциальной природы. Оно констатирует общую диспозицию, из которой сознание время от времени черпает фрагменты. Если сознание по мере возможности очище-

черпает фрагменты. Если сознание по мере возможности очищено от какого бы то ни было содержания, оно переходит в состояние бессознательности /по крайней мере, переходное состояние/. Этот сдвиг происходит в дзэне благодаря тому, что энергия сознания не направлена более на содержание, а перенесена на концепцию пустоты или коан; т.к. последние должны быть стабильны, прекращается также течение образов и освобождается энергия, поддерживающая кинетику сознания. Эта энергия переходит в бессознательное и усиливает его естественный потенциал до некоторого максимума. Это увеличивает готовность бессознательного содержания прорваться в сознание. Очищение и закрытие сознания- далеко не простое дело. Требуется специальное обучение и неопределенно долгий период времени [x], для того, чтобы достичь максимального напряжения, приводящего к конечному прорыву бессознательного содержания в сознание.

Прорывающееся содержание ни в коем случае не является неспецифическим. Как показано психоаналитической практикой, существуют строго определенные отношения между содержанием сознания и маниями и бредами, прорывающимися в него. Аналогичные взаимоотношения существуют между снами и бодрствующим сознанием нормального человека. Они основаны на принципе компенсаторной [xx] взаимосвязи [xxx]: бессознательное выносит на поверхность все необходимое [xxxx] в широчайшем

x Бодхидхарма, основатель Дзэна в Китае, сказал: "Каждая попытка такого человека обречена на провал" /Эссе.."I,176/.

xx Более вероятно, чем просто комплементарно.

xxx Для этого я отсылаю читателя к спец.мед.-псих. литерат.

xxxx Эта "необходимость"- рабочая гипотеза. Люди могут придерживаться самых различных взглядов на этот счет. Например, являются ли религиозные концепции необходимыми? Только в процессе индивидуальной жизни можно решить этот вопрос. Абстрактных критериев для этого нет.

смысле для завершения, законченности, сознательной ориентации. Если при этом бессознательное успешно встраивается в жизнь сознания, результатом является такая трансформация психики, которая лучше соответствует данной личности, а потому прекращается бесполезный конфликт между сознанием и подсознанием личности.

Современная психотерапия остается верна этому принципу, т.к. она освободилась от исторического предрассудка, рассматривающего бессознательное как совокупность лишь инфантильного и морального незрелого содержания. Несомненно, что в нем имеется тайник, темная комната /чулан/ грязных секретов, однако, они не столько бессознательны, сколько скрыты и полузабыты. Но этот уголок также имеет мало общего со всем подсознательным, как гнилой зуб со всей личностью. Подсознательное- это матрица всех метафизических заявлений, всех мифологий, всех философий /если они не просто критические/ и всех форм жизни, основанных на психологических предпосылках. Каждое вторжение бессознательного- это ответ на определенные условия сознания, и этот ответ вытекает из совокупности присутствующих идей-возможностей, т.е. из полной диспозиции, которая, как объяснено выше, есть одновременный образ психической экзистенции. Расщепление на отдельности, односторонности, фрагменты- суть сознания. Ответ от бессознательной диспозиции всегда имеет характер полноты, т.к. соответствует природе, которая еще не раздроблена каким-либо дискриминирующим сознанием.[x] Отсюда этот подавляющий эффект, этот неожиданный, тотальный, всеосвеща-

---

x Когда разум дискриминирует, происходит умножение вещей. Делая это, он не видит истинной природы вещей /Эссе, I,88/.

ющий ответ, воспринимаемый как откровение и освобождение, ибо сознание заклинило себя в безысходности. [x] Поэтому, когда после долгих лет упорнейшей практики и полного разрушения рациональности, последователь Дзэна получает ответ- единственно истинный ответ- от самой Природы- все, что говорилось о сатори, может быть понято. Легко увидеть эту естественность ответа, проявляющуюся в каждом дзэновском анекдоте...

... Как много мудрости заключено в ответе- ВУ- мастера на вопрос о буддистской природе собаки.

Следует, однако, всегда иметь ввиду, что, с одной стороны, есть много людей, не способных отличить духовное остроумие от ерунды, и, с другой стороны, очень много людей, развивших свой интеллект до такой степени, что они никого не встречают в жизни, кроме дураков.

" " "

Несмотря на огромное значение Дзэн-буддизма для понимания трансформационного религиозного процесса, его использование западными людьми в высшей степени невероятно. На Западе отсутствуют духовные концепции, необходимые для Дзэна. Кто из нас может в сущности верить в верховность учителя и в его экстравагантные методы? Это почитание высших личностей существует только на Востоке. Кто может похвастаться верой в возможность духовного опыта, парадоксального сверх всякой меры, более того, верой настолько сильной, чтобы пожертвовать долгие годы утомительному по-

---

x См. пассаж, начинающийся словами:
/Эссе, I; 209/.

иску этого опыта? И, наконец, кто отважится принять на себя всю тяжесть еретического духовного поиска? Если это будет человек, который, возможно, по патологическим причинам может слишком много сказать самому себе, то у него не будет оснований жаловаться на полное отсутствие последователей среди нас. ... Но если "Учитель" поставит трудную задачу, требующую несколько болшего, чем пустой болтовни, европеец начнет сомневаться, ибо невероятная крутизна пути саморазвития так же мрачна, траурна и темна для него, как дорога в ад.

Я не сомневаюсь, что саториальный опыт также существует и на Западе, ибо и у нас есть люди, остро чувствующие крайности и не трепещущие перед ними. Но они будут молчать не только из-за застенчивости, но и потому, что знают, что любая попытка передачи опыта бессмысленна, т.к. к нашей культуре нет никаких духовных тенденций, близких к этому опыту даже в церкви, средоточии религиозных добродетелей. В действительности ее функция противоположна всем таким крайностям, крайним опытам, ибо они по сути своей еретичны.

Единственное движение в нашей культуре, которое частично понимает, или, по крайней мере, должно понимать эти усилия,- это психотерапия. Не случайно поэтому, что это предисловие написано психотерапевтом.

Взятая в целом, психотерапия есть диалектическое взаимоотношение между врачом и пациентом. Это диалог между двумя духовными целостностями, в котором мудрость является просто орудием. Цель же его- трансформация, единственным критерием которой является исчезновение "ясности". Никаких попыток со стороны врача форсировать события. Максимум, что он может сделать- это облегчить путь пациента к достижению позиции,

которая будет противоположна последнему сопротивлению к решающему опыту. Знание играет немаловажную роль в этой западной процедуре, что эквивалентно важности традиционной духовной атмосферы буддизма в Дзэне. Дзэн и его техника могут существовать лишь на базе буддистской духовной культуры, и она является его предпосылкой. Вы не можете разрушить интеллект, которого никогда не было. Адепты дзэна не выходцы из невежества и безкультурья. Даже у нас нередка ситуация, когда необходимо прежде развить сознательную личность при помощи терапии, ал лишь затем думать об уничтожении эмпиризма и рационализма. Более того, терапия несомненно и имеет дело с человеком, который, подобно дзэнским монахам, готов принести любые жертвы в поисках правды, но он, зачастую, наиболее упрямый из всех европейцев. Таким образом, задачи психотерапии, конечно, гораздо более многообразны, и индивидуальные фазы длинного процесса сталкиваются с большим сопротивлением, чем в Дзэне.

По этим им многим другим причинам, прямая передача Дзэна в условия Запада непохвальна и даже невозможна. Психотерапевт , однако, серьезно размышляющий над вопросом о цели терапии, не может оставаться равнодушным, видя, к каким результатам направлен восточный метод духовного исцеления, т.е. делания целостным. Хорошо известно, что эта проблема серьезно занимала наиболее смелые умы Востока на протяжении более, чем двух тысяч лет, и что в этом отношении были развиты такие методы и философские доктрины, перед которыми бледнеют все наши западные попытки в этом направлении. Наши попытки - за некоторыми исключениями - не останавливались или на магической / мистерии- культы/, сре-

ди них и христианство/, или интеллектуальной / философы от Пифагора до Шопенгауэра/ стадиях. Только духовные трагедии Гете / Фауст/ и Ницше /Заратустра/ – зарницы прорыва тотального опыта в наше западное полушарие. И мы не знаем сегодня, что же эти, наиболее многообещающие из всех продуктов европейского духа попытки, могут в действительности означать, насколько они перекрывают всю материальность и очевидность нашего сформированного греками духа.[x] Хотя наш интеллект развит почти до совершенной способности орла увидеть мельчайшую мышь с огромной высоты, его сковывает притяжение земли, и сансара вовлекает его в мир иллюзий, если он не обратит, по крайней мере, один глаз во внутрь, чтобы найти того, кто ищет добычу.

Однако он подадает в родовые муки демонического рождения, окруженный неизвестными ужасами и опасностями, угрожающими обманчивыми миражами и запутанными лабиринтами. Кто знает что-либо о глубинных мотивах шедевра, как Гете называл "Фауста, или о содроганиях Дионисия? Можно читать " " и тибетскую книгу мертвых задом наперед, как я предполагал, с тем, чтобы найти восточные параллели к мукам и катастрофам западного"пути освобождения" целостности. Именно это имеет значение- не добрые намерения, умные имитации, тем более, интеллектуальная акробатика. Так, в намеках, в больших или меньших фрагментах появляется перед психотерапевтом человек, освободивший себя от поспешных и близоруких доктринерских взглядов. Если он раб своего квази-

---

[x] Гений греков означает прорыв сознания в материальность мира, посредством которого была обворована его изначальная сказочность / основоподобность/.

биологического кредо, он всегда будет пытаться свести наблюдаемое к банальностям и рационалистическому знаменателю, достаточному лишь тому, кто наполнен иллюзиями. Первая из всех иллюзий, однако, есть та, что нечто может быть достаточно кому-то. Эта иллюзия находится позади всего, что невыносимо и впереди всех прогрессов, и это одна из наиболее трудных для преодоления вещей. Если психотерапевт находит время для размышления, или, если случайно он увидит свои собственные иллюзии, он может понять, как противоречат жизни все рационалистические редукции, когда они сталкиваются с с чем-то новым. Если он следует этому, он вскоре получает идею о том, что означает "распахнуть двери", в которые каждый был бы рад проскочить.

Ни при каких обстоятельствах я не подразумевал, что даю какие-либо рекомендации и советы. Но поскольку западный человек начинает говорить о Дзэне, я считаю своим долгом показать, где лежит наш вход в эту длиннейшую из дорог, которая ведет к сатори, и какими трудностями сопровождается этот путь, который был пройден лишь немногими из наших величайших людей- подобным маякам на горе, сверкающим из туманного будущего. Было бы нездоровой ошибкой предполагать, что сатори или самадхи можно встретить где-либо ниже этих вершин. Для духовного опыта имеет значение только целое.

Психологическое значение этого может быть понято при простом рассмотрении того факта, что сознание - лишь часть духовного и потому никогда не способно на духовную полноту. Для этого требуется неопределенная экспансия бессознательного. Последнее, однако, никогда не может быть схвачено ни умелыми формулами, ни изощренными научными догмами, т,к.

здесь есть нечто от Судьбы, да это иногда и сама судьба, как слишком ясно показывают Фауст и Заратустра.

Достижение полноты призывает к использованию всего частичными усилиями и отделаться ; следовательно, здесь не может быть легких условий, никаких подмен и компромиссов. Ввиду того, что Фауст и Заратустра, несмотря на высшую оценку, являются только пограничной линией того, что понятно европейцу, едва ли можно ожидать, что культурная публика, которая едва лишь услышала о туманном мире души, окажется способной сформулировать какую-либо концепцию духовного состояния человека, который погрузился в сложности процесса индивидуации / этим термином я обозначаю "становление целым"/ .Люди тянут вперед словарь патологии, они утешают себя "невротической" и "психотической" терминологией, шепчут о загадке творчества- но что может создать человек, не являющийся поэтом? Последнее напоминание вызвано в современном мире немногими людьми, называющимися для собственного удовольствия артистами. Как будто искусство совершенно не имеет дело со способностями! Если вам нечего создавать, возможно, вы создадите себя.

Дзэн показывает, как много "становление целым" значит для Востока. Наполненный загадками Дзэн, возможно, и укрепит позвоночник европейца и позволит ему приобрести очки, благодаря которым он из своей "унылой норы в стене" сможет насладиться , по крайней мере, проблесками мира духовного опыта, который был до сих пор скрыт от него в тумане христианства. Это само по себе уже не плохо для тех запуганных, которые будут эффективно защищены от дальнейшего разрушения, так же как и от всего значительного, полезной идеей самовнушения.

Я должен, однако, предупредить внимательного и симпатизирующего читателя, чтобы он не недооценил духовную глубину Востока, или же не предполагал какую-либо дешевость в Дзэне.[x] Усердное обучение в этом случае - меньшая опасность т.к. в Дзэне, к счастью, нет этих восхитительных необычных слов, как в индийских культах. Дзэн также не играет с усложненной техникой хатха-йоги,[xx] посеявшей в европейцах фальшивую надежду на то, что духовность может быть достигнута сиденьем и дыханием. Напротив, Дзэн требует интеллигентности и силы воли, как великие вещи, желающие стать реальными.

Швейцария , 1948 г.

---

x „Дзэн - это не прошлое, но наиболее серьезная задача в жизни. Ни одна пустая голова даже не появится возле него." / Эссе, I; 16. См. также стр.78.

xx Если ты ищешь Буддости, ты никогда не достигнешь правды ./Эссе, I, стр. 222 /

Вклад, который внес буддизм и в особенности дзэн-буддизм в японскую культуру.

Наряду с тем, что дзэн придает первостепенное значение личному опыту в постижении высшей истины, он имеет следующие характерные особенности, которые оказали огромное моральное влияние на формирование того, что можно назвать духом Востока и в особенности Японии.

I. Пренебрежение формой вообще свойственно мистике и христианской и буддистской и исламской. Когда подчеркивается значение духа, все его внешние проявления приобретают второстепенное значение. Форму далеко не всегда презирают, но внимание к ней сводится к минимуму, другими словами, условность уступает место полному утверждению индивидуальной оригинальности. Но вследствие этого во всем, что связано с дзэном, чувствуется ярко выраженная внутренняя тенденция. Что касается формы, здесь не наблюдается ничего красивого или взывающего к чувствам, но ощущается нечто внутреннее или духовное, утверждающее себя несмотря на несовершенство формы и, может быть, благодаря этому несовершенству. Причина вот в чем: когда форма совершенна, наши чувства испытывают слишком большое удовлетворение, и разум, по крайней мере временно, перестает углубляться внутрь. Уделяя слишком большое внимание внешности вещей, мы не можем извлечь того внутреннего содержания, которое в них заключено. Таким образом, Танка развел костер из деревянного Будды, и с идолопоклонством было покончено. Кэнсу вопреки условностям монашеской жизни стал рыбаком. Дайто Кокуси стал нищим бродягой, а Кандзан Кокуси- пастухом.

2. Направленность дзэна внутрь подразумевает то, что он непосредственно взывает к духу человека. Когда посредничество формы исключается, один дух общается непосредственно с другим. Поднят палец- и вся вселенная перед вами. Не может быть ничего более непосредственного, чем это, в этом мире относительного. Средство общения или символ самовыражения ограничивается по возможности кратчайшей формой. Когда достаточно одного слова или подмигивания, зачем тратить целую жизнь на то, чтобы писать объемистые книги и строить грандиозные соборы?

3. Непосредственность- это синоним простоты. Когда отброшены все вычурные формы выражения идей, одна травинка заменяет шестнадцатифутового Будду Вайрокану, а круг является самым лучшим символом выражения неизмеримости глубины истины, раскрывшейся разуму адепта дзэна. Эта простота выражается также в жизни. Мудрецу достаточно соломенной хижины в горах, наполовину наполненной белыми облаками. Картофель, испеченный в пепле костра из коровьего навоза, утоляет его голод, и в то же время он бросает презрительный взгляд на посланца с императорского двора. /Рандздан, конец 8-го века. Жил во времена правления Дэ-дзуна династии Тан/.

4. Бедность и простота сочетаются в дзэне, но просто быть бедным и скромным еще не есть дзэн. Он не проповедует бедность только во имя бедности. Поскольку его самого по себе достаточно, он не требует многого- что есть бедность для других, но достаток для себя. Бедный и богатый- это мирская мерка; так как внутренняя сторона бедности в дзэне не имеет ничего общего с нехваткой имущества, а богатство с избытком материальных благ.

5. Факты и опыт ценятся в дзэне больше, чем образы, символы и понятия- другими словами, сущность в дзэне- все, а форма- ничто. Поэтому дзэн- это радикальный эмпиризм. В связи с этим, пространство не есть нечто, простирающееся объективно; время не следует считать линией, тянущейся из прошлого через настоящее в будущее. Дзэну неведомо такое пространство, такое время и поэтому такие идеи, как вечность, бесконечность, безграничность и т.п., являются фантазией с точки зрения дзэна, т.к. дзэн живет в фактах. Факты могут рассматриваться как явление скоротечное, но скоротечность есть идея субъективно созданная. Когда дзэн сравнивают с молнией, которая исчезает прежде, чем вы успеете сказать "Ой!", то не следует полагать, что простая быстрота есть жизнь дзэна. Однако мы можем сказать, что дзэн избегает медлительности и сложности. Когда потекла крыша, учитель вызвал своих помощников и попросил принести что-нибудь, чтобы уберечь от дождя татами. Один без промедления принес бамбуковую корзину, в то время как другой пошел искать кадку, которую он потом принес учителю. Говорят, учитель остался очень доволен первым манахом, принесшим корзину. Не кто иной как первый монах понял дух дзэна лучше, чем монах, проявивший осмотрительность, хотя мудрость последнего оказалась намного практичнее и полезнее. Этот аспект дзэна носит специальное название "отсутствие разграничения".

6. То, что можно было бы назвать "вечным одиночеством", тесно связано с сущностью дзэна. Это некое чквство абсолютного. В "Ланкаватара-сутре" говорится о так называемой "истине одиночества" /вивиктадхарма/. Постижение ее, кажется, ведет к чувству вечного одиночества. Это не означает, что

все мы чувствуем одиночество и тоскуем по чему-то более сильному и большему, чем мы сами. Это чувство присуще в большей или меньшей степени всем религиозным душам; но то, что я здесь имею в виду, не есть этот род одиночества, а одиночество абсолютного существа, которое испытывает человек, когда мир конкретного, движение которого обусловлено пространством, временем и причинностью, остается позади, когда дух парит высоко в небе, подобно облаку.

7. Когда все эти аспекты дзэна утверждены, мы видим определенное отношение дзэна к жизни вообще. Когда он утверждает себя в искусстве, он составляет то, что может быть названо духом дзэн-буддистской эстетики. Он проявляется в простоте, непосредственности, непринужденности, смелости, возвышенности, отрешенности от внешнего мира, углубленности внутрь, равнодушии к форме, в свободных движениях духа и мистическом дыхании творческого гения во всем мире- как в живописи, так и в каллиграфии, садоводстве, чайной церемонии, фехтовании, танцах и поэзии.

Для иллюстрации позвольте мне остановиться на японской живописи, известной под названием "сумие", и японской поэзии, называемой "хайку", а также на инструкции, данной учителем дзэна одному великому самурайскому мастеру фехтования.

Сумие не представляет собою живописи в строгом смысле слова; это своего рода черно-белый эскиз. Чернила делаются из сажи и клея, а кисть из шерсти овцы или барсука, причем она способна поглотить или вместить большое количество этой жидкости. Используемая для рисунка бумага довольна тонка и поглощает большое количество чернил, а это значит, что вдохновение художника должно быть передано по возможности в крат-

чайшее время, иначе бумага прорвется. Линии должны наноситься как можно быстрее и количество их должно быть минимальным- только самые необходимые линии.. Недопустимы никакая медлительность, никакое стирание, повторение, ретуширование, никакая переделка, никакой монтаж. Любой мазок, нанесенный после, резко и болезненно выделяется , вследствие специфических свойств бумаги. Художник должен постоянно, всецело и непроизвольно следовать за своим вдохновением; он просто позволяет ему управлять его руками, пальцами и кистью, будто они вместе со всем его существом являются лишь инструментом в руках кого-то другого, кто временно вселился в него. Можно сказать, что кисть выполняет работу сама, независимо от художника, который просто позволяет ей двигаться, не прилагая никаких сознательных усилий. Если между кистью и бумагой появится какая-либо логическая связь, или размышление, весь эффект пропадет. Так рождается сумие.

Эскиз сумие- сама бедность, бедность формы, бедность содержания, бедность исполнения, бедность материала, однако мы, люди Востока, ощущаем в нем присутствие некоего движущегося духа, который странным образом витает вокруг линий, точек и теней различных очертаний; ритм его живого дыхания вибрирует в них. Один стебель цветущей лилии, нарисованный как бы небрежно на листе грубой бумаги- однако здесь живо раскрывается нежный непорочный дух девушки, укрывшейся от бури мирской жизни. Маленькая незначительная лодка с рыбаками в центре обширного водного пространства- но глядя на картину, мы не можем не быть поражены необъятностью океана, не знающего границ, и присутствием таинственного духа, дышащего жизнью вечности в пучине воли.

Если сумие пытается копировать объективную реальность, она обречена на полный провал; она никогда этого не делает, она скорее является творением. Точка в эскизе сумие не представляет собою коршуна, а кривая линия не символизирует гору Фудзи. Точка- это птица, а линия- гора. Художник жанра сумие вовсе отказывается от попытки внешнего сходства. Вместо этого он творит живые предметы из своего собственного воображения. Поскольку все мы принадлежим одной и той же вселенной, наши творения могут некоторым образом соответствовать тому, что мы называем объектами природы. Но это не является существенным элементом нашей работы. Эта работа имеет свои собственные достоинства помимо сходства. Разве в каждом мазке кисти не присутствует что-то исключительно индивидуальное? Дух каждого художника проявляется в них. Его птицы являются его собственными творениями. Вот как относится художник жанра сумие к своему искусству и это отношение есть отношение дзэна к жизни и то, чего дзэн добивается в жизни, художник достигает на бумаге кистью и чернилами. Творческий дух обитает повсюду, и творчество проявляется как в жизни, так и в искусстве.

Линия, начертанная художником жанра сумие, отличается законченностью, ничто не может пойти за ее пределы, ничто не может ее исправить; она также неизбежна, как вспышка молнии; сам художник не может ее изъять; этим объясняется красота линии. Мышцы сознают, что рисуют линию, отмечают точку, но за ними скрывается неосознанное. Посредством этого неосознанного Природа повествует о своей судьбе; посредством этого неосознанного художник создает произведение искусства. Ребенок улыбается- и целая толпа приходит в восторг потому, что

это поистине неизбежно, это исходит из Неосознанного.

Другой отличительной особенностью сумие является стремление уловить дух в движении, поймать вещи живьем. Каждый мазок кисти художника непосредственно связан с его сокровенным духом, свободным от таких внешних оков как понятия и т.д. Его кисть становится продолжением его собственной руки, более того, она становится его духом и в каждом движении ее, оставляющем следы на бумаге, этот дух будет чувствоваться. Когда это достигается, картина сумие- сама реальность, совершенная сама по себе, а не копия чего-нибудь.

Естественно, что сумие избегает всякого рода красок, т.к. она напоминает нам об объекте природы, а не претендует на воспроизведение его, совершенное или несовершенное. В этом отношении сумие походит на каллиграфию, где для письма пользуются длинной заостренной мягкой кистью, каждый мазок которой имеет значение помимо исполнения функции составного элемента иероглифа, символизирующего идею. Кисть является податливым инструментом и охотно повинуется каждому волевому импульсу писателя или художника. В мазках, нанесенных им, мы можем ощутить его дух.

Появление мягкой кисти- это целая история. Линии и штрихи, наносимые ею, обладают какой-то свежестью, нежностью, грациозностью, которые присущи одушевленным предметам природы и в особенности человеческому телу. Если бы используемый для этой цели инструмент представлял собой кусок стали, жесткий и непластичный, результат был бы совершенно противоположным.

В сумие всегда присутствует элемент неожиданности и внезапности. Там, где вы ожидаете увидеть линию или массу

линий, они отсутствуют, и такое отсутствие вместо того, чтобы разочаровать наводит на мысль о чем-то потустороннем, что приносит совершенное удовлетворение. Небольшой лист бумаги, обычно продолговатой формы, теперь включает в себя всю вселенную. Горизонтальный штрих символизирует безграничность пространства, а круг- вечность времени. Они не только безграничны, но и наполнены жизнью и движением. Странно, что отсутствие всякой точки там, где ее обычно ожидают увидеть, вызывает такой таинственный эффект, что художник жанра сумие исполняет этот трюк с непревзойденным мастерством. Он делает это так умело, что в его работе нельзя заметить никаких следов искусственности или определенной цели. Такая непреднамеренность заимствована непосредственно у дзэна.

Дух "вечного одиночества" /"саби" или "заби"/- художественный принцип, проявляющийся в планировке садов и парков, в чайной церемонии, а также в литературе, в той ее форме, которая носит название "хайку", т.е. стихотворения из семнадцати слогов. Эта кратчайшая форма поэтического выражения является особым продуктом японского гения. Она была широко распространена в эпоху Токугавы и в особенности после Басё. Басё провел свою жизнь в путешествиях из одного конца Японии в другой. К счастью, в те времена не было железных дорог. Когда путешествие становится слишком легким и удобным, его духовное значение теряется. Некое чувство одиночества, рождающееся в путешествии, приводит человека к размышлению о жизни, т.к. жизнь в конце концов- это путешествие от одного неизвестного к другому неизвестному. За период 60, 70 или 80 лет, который нам отпущен, мы должны,

если можем, открыть тайну. Слишком гладкий путь, каким бы коротким он ни был, лишает нас этого чувства вечного одиночества.

Басё был приверженцем дзэна. Когда он изучал дзэн под руководством Буттё, последний пришел к нему однажды и спросил: "Как ты поживаешь все эти дни?"

Басё: После недавнего дождя вырос мох, как никогда зеленый.

Буттё: Какой буддизм существует до зелености мха?

Басё: Лягушка прыгает в воду, слушай!

Говорят, это было началом новой эпохи в истории хайку. Хайку до Басё было простой игрой слов, а контакт с жизнью был потерян. Когда учитель спросил Басё о высшей истине вещей, существовавших даже до того, как возник этот мир конкретного, Басё увидел, как лягушка прыгает в старый пруд, и звук, произведенный ею, нарушил тишину всей обстановки. Постигнута суть жизни, и художник, сидя здесь, наблюдает за каждым настроением своего разума, который приходит в контакт с миром постоянного становления, а результат- множество оставленных нам в наследство 17-сложных стихотворений. Басё был поэтом вечного одиночества.

Странник-
Пусть зовут меня так-
Этот осенний ливень.

Ветка без листьев,
Ворон уселся на ней-
Это осени канун.

В одиноком вороне, усевшимся на мертвой ветке дерева, чувствуется великое Потустороннее. Все вещи появляются из неизвестной пропасти таинственного, и через каждую мы можем заглянуть в эту пропасть. Когда чувство достигает своей вершины, мы молчим, т.к. никакие слова не могут его описать.

Даже I7 слогов- это, может быть, слишком много. Когда чувства слишком полно выражены, не остается места для догадки и намека, которые являются секретом японских искусств.

2. Общие замечания относительно японской художественной культуры.

Среди вещей, ярко характеризующих японские артистические таланты, можно отметить так называемый стиль "одного угла", основоположником которого был Баэн /II75-I225/, один из величайших художников Южной Сун. Стиль "одного угла" психологически связан с традицией "бережливой кисти" японских художников. И то и другое очень близко по духу дзэну.

Здесь мы имеем дело с пониманием трансцендентальной отчужденности среди множества разнообразий- что носит название "ваби". Ваби в действительности означает бедность, или, в негативном значении, "не быть в модном обществе своего времени". Быть бедным, т.е. не зависеть от мирских вещей- богатства, власти, репутации- и в то же время чувствовать присутствие некоего внутреннего неоценимого сокровища, находясь вне времени и общественного положения,- вот что составляет сущность ваби. На языке практической повседневности ваби значит: довольствоваться небольшой хижиной с комнатой из двух-трех татами и тарелкой овощей, выращенных в близлежащих полях; слушать, как весенний дождь нежно постукивает по крыше. Культ ваби глубоко укоренился в культурной жизни японского народа. Даже в интеллектуальной сфере мы ищем не богатства идей, не блеска и торжественности в изложении мысли и построении философских систем, а простого, спокойного довольства, доставляемого мистическим созерцанием Природы;

возможность чувствовать себя хозяином в этом мире вдохновляет нас больше. Дзэн не привлекают сложные разнообразия поверхности жизни. Жизнь сама по себе достаточно проста, но когда она оценивается анализирующим разумом, она представляется невероятно сложной. Наша наука при всем ее величии пока еще не раскрыла глубоких тайн жизни. Весьма вероятно, самой яркой чертой восточного характера является способность схватывать жизнь изнутри, а не снаружи. И дзэн как раз попал в точку.

Равнодушие к форме, являющееся результатом того, что слишком много внимания уделяется важности духа, особенно заметно в живописи. Там, где вы обычно ожидаете увидеть линию, пятно или балансирующий элемент, они отсутствуют, однако именно это неожиданно пробуждает в вас приятное чувство. Вы не ощущаете недостатков и дефектов; несовершенство, фактически, становится своего рода совершенством. Очевидно, красота далеко не всегда заключается в совершенстве формы. Один из излюбленных трюков японских художников- воплощать красоту в форму несовершенства или даже уродливости.

Когда эта красота несовершенства сочетается с древностью или примитивной неуклюжестью, мы имеем все признаки саби, наличие которых так высоко ценится знатоками японского искусства. Древность и примитивность не обязательно должны иметь актуальное значение. Если предмет искусства вызывает даже поверхностное ощущение какого-либо исторического периода, в нем есть саби. Саби состоит в неотесанной естественности или архаическом несовершенстве, явной простоте или легкости исполнения, богатстве историческими ассоциациями и, наконец, в наличии элементов необъяснимого, поднимающих

рассматриваемый предмет на уровень произведений искусства. Эти элементы принято связывать с пониманием дзэна. Посуда, используемая в чайной комнате, в основном обладает этими качествами.

Художественный элемент, входящий в состав саби, что буквально означает "одиночество" или "уединение", был определен одним мастером чайной церемонии:

Приехав на лодке
В эту рыбацкую деревню
Осенним вечером,
Я не вижу ни цветов,
Ни пожелтевших кленовых листьев.

/Фудзивара Садайдэ, II62-I24I/

Одиночество украшает не только рыбацкую деревню в канун осени, но также клочок земли, покрывшийся зеленью ранней весной:

Тем, кто радуется только цветению вишни,
Я бы очень хотел показать весну,
Которая прорывается сквозь клочок зеленой травы
В занесенной снегом горной деревне!

Древний мастер чайной церемонии говорит, что это точно выражает идею саби, которая является одним из 4-х принципов, лежащей в основе культа чая, тя-но-ю. Перед нами всего лишь едва заметное зарождение жизненной силы, утверждающей себя в форме клочка зеленой травы, но тот, у кого есть глаза, может легко различить весну, прорывающуюся из-под тяжелого снежного покрова. Художник видит здесь столько же жизни, сколько ее имеется в целом зеленом поле, усыпанном цветами. Это можно назвать мистическим чутьем художника.

Другой характерной особенностью японского искусства является ассиметрия. Эта идея, несомненно, заимствована у Баэна, основоположника стиля "одного угла". Самым простым и ярким примером является планировка в буддистской архитектуре. Основные сооружения, такие как Башенные ворота, Зал Дхармы, Зал Будды, могут располагаться по прямой линии; но сооружения второстепенной важности, а иногда даже и главные, не располагаются симметрично, в виде крыльев по обеим сторонам основной линии. Может оказаться, что они будут разбросаны по участку в соответствии с типографическими особенностями. Вы можете легко убедиться в этом, если посетите один из буддистских горных храмов, например, гробницу Исясу в Никко.

Некоторые японские моралисты пытаются объяснить такую любовь японских художников к ассиметрии теорий о том, что японский народ прошел моральную школу, в которой его учили не быть навязчивым, а всегда оставаться в тени и что такая умственная привычка к самоунижению проявляется соответственно в искусстве, например, в том случае, когда художник оставляет центральное по важности место пустым. Но по-моему эта теория не совсем правильна. Разве не было бы более разумным объяснить это тем, что художественный гений японского народа черпал свое вдохновение в дзэне, который считает, что индивидуальные объекты совершенны сами по себе и в то же время воплощают в себе природу совокупности, принадлежащую Единому?

Отсутствие равновесия, асимметрия, "один угол", бедность, саби и ваби, упрощение, одиночество, и другие идеи такого рода составляют самую яркую и характерную особенность японского искусства и культуры. Все это связано с постижением главной

истины дзэна: Единый во Множестве и Множество в Едином, или, лучше: Единый, остающийся единым во Множестве индивидуально и коллективно.

"Рисуй бамбуки в течение десяти лет, стань бамбуком, затем забудь все о бамбуках, когда ты рисуешь. Обладая безупречной техникой, индивидуум отдает себя во власть вдохновения".

Стать бамбуком и забыть, что ты с ним одно, когда рисуешь,- это дзэн бамбука, это движение вслед за ритмическим движением духа, который живет в бамбуке так же, как и в самом художнике. То, что теперь от него требуется,- это твердо придерживаться этого факта. Это очень трудная задача и достигается только после долгой духовной тренировки. Дзэн фактически выразил эту мысль в следующих словах: Единый во Всем и Все в Едином. Когда это понимается до конца, рождается творческий гений.

Очень важно уяснить точный смысл этих слов. Многие видят в них пантеизм. Пантеизм- это нечто чуждое дзэну, а также художнику в понимании его работы. Когда учителя дзэна заявляют, что Единый пребывает во Всем и Все- в Едином, они не имеют в виду того, что существует нечто, называемое Единым во Всем, и что первое есть второе и наоборот. Поскольку Единый во Всем, некоторые считают дзэн пантеистическим учением- это далеко не так. Дзэн никогда бы не допустил того, что Единый или Все существуют самостоятельно как нечто, воспринимаемое нашими чувствами. Слова "Единый во Всем и Все в Едином должны пониматься как выражение абсолютной интуиции праджни, а не подвергаться анализу на плоскости понятий. Когда мы видим луну, мы знаем, что это луна, и этого достаточно. Те, кто анализируют переживание и пытаются обосновать его теоретически, не могут называться последователями дзэн

Они прекращают быть ими, даже если когда-то были, в тот самый момент, когда они начинают анализировать. Дзэн всегда выдвигает на передний план свой опыт как таковой и отказывается связывать себя с какой-либо философской системой.

В дзэне нет Единого. Если дзэн говорит о Едином, то это просто своего рода снисхождение до общепринятого языка. В дзэне Единый есть Все и Все есть Единый; и в то же время Единый остается Единым, а Все- Всем. "Не два!" может заставить логиков думать, что это "Один". Но учитель добавил бы: "И не Один!".

Вы можете спрсить: Что же тогда? Здесь мы заходим в словестный тупик. Поэтому сказано, что если ты хочешь вступить в непосредственное общение с реальностью, я говорю тебе: "Не два!"

Один монах спросил Тосу, учителя дзэна периода Тан: "В моем понимании все звуки являются голосом Будды. Правильно ли это?"

Учитель ответил: "Правильно".

Затем монах продолжал: "Не мог бы учитель оказать любезность и не издавать звук, напоминающий брожение массы грязи?"

За это учитель его ударил.

Это мондо, вероятно, необходимо объяснить простым языком. Считать каждый звук, каждый шум, каждое изречение прямым проявлением единой реальности, то есть проявлением Бога, есть пантеизм, т.к. "он всему дает жизнь, и дыхание, и все остальное" или "Ибо в нем мы живем, и движемся и пребываем". Если это так, то хриплый голос учителя ничем не отличается от мелодии, льющейся из золотых уст Будды, и если даже великого учителя открыто осуждают, сравнивая с ослом, то следует считать, что такая диффамация частично отражает

высшую истину. Следует сказать, что все формы зла воплощают в себе добро и красоту, способствуя совершенству Реальности. Выражаясь более конкретно, зло есть добро, уродство- красота, ложь- истина, и наоборот. Так поистине рассуждают те, кто считает, что все вещи наделены божественной природой. Давайте посмотрим, как учитель дзэна подходит к этой проблеме.

Тосу сразу положил конец таким рассудочным интерпретациям и ударил своего монаха. Опытный Тосу знал, что бесполезно что-либо демонстрировать словами. Буквоедство ведет от одной трудности к другой и этому нет конца. Вероятно, самый эффективный способ заставить монаха осознать ошибочность концептуального понимания- ударить его и таким образом позволить ему осознать в самом себе значение утверждения "Единый во Всем и Все в Едином". Монаха нужно было вывести из логического сомнамбулизма. Поэтому Тосу предпринял решительные меры.

Сэттё по этому поводу дает следующий комментарий:

Жаль, что несметное количество людей пытается заигрывать с волной;

В конце концов, все они погибают, поглощенные ею!

Пусть же они внезапно пробудятся

И увидят, что все реки текут в обратном направлении,

пенясь и вздуваясь.

/Сэттё был одним из великих учителей периода Сун, славившимся своим литературным дарованием. Хэкиган Сю основана на "Ста случаях" Сэттё, которые он отобрал из анализов дзэна/

Все, что здесь нужно,- это внезапно обернуться или пробудиться, что приводит к постижению истины дзэна. Это нельзя назвать ни трансцендентализмом, ни имманентной фи-

лософией, ни сочетанием того и другого. Истина, по словам Тосу, заключается в следующем:

Монах: Что такое Будда?

Тосу: Будда.

Монах: Что такое Дао?

Тосу: Дао.

Монах: Что такое дзэн?

Тосу: Дзэн.

Вот другой пример, иллюстрирующий ту же идею.

Монах: Сказано, что Совершенный путь не знает трудностей, он просто питает отвращение к разграничению. Что имеется в виду под отсутствием разграничений?

Дзёсю: Над небом и под небом я единственный достоин почтения.

Монах: Все еще разграничение.

Дзёсю: Эх, ты, умная голова! Где же тут разграничение?

Под разграничением учителя дзэна понимают то, что мы отказываемся принять реальность как она есть, во всей ее естественности. Мы размышляем над ней, анализируем ее, подразделяем на понятия, рассуждаем без конца и в конечном итоге оказываемся в замкнутом кругу логического мышления. Утверждение Дзёсю- это высшее утверждение, не допускающее никакой двусмысленности, никакой аргументации. Мы просто должны принимать его как оно есть, и довольствоваться им. Если нам почему-либо не удастся этого сделать, лучше просто оставить его и идти искать своего просветления в другое место. Монах не мог понять Дзёсю, ибо сам страдал разграничением. Слова "Единый во Всем и Все в Едином" не следует анализировать, разлагая сперва на понятия "один" и "все", а потом ставить между ними союз "и". Здесь нельзя

допускать никакого разграничения. Нужно просто принять это утверждение и пребывать в нем, что в действительности вовсе не является пребыванием. Больше ничего не нужно. Поэтому учитель ударил монаха и обругал его. Он не возмущен, он не вспылил, он просто хочет этим помочь ученику выбраться из ямы, которую он сам для себя выкопал.

Когда интуитивное или эмпирическое понимание реальности формулируется в виде слов "Все в Едином и Единый во Всем", мы имеем пример высшего утверждения, на котором базируются все школы буддизма. Шуньята /пустота/ есть татхата /естество/, а татхата есть шуньята; шуньята- это мир Абсолюта, а татхата- мир относительного. Одним из самых популярных высказываний в дзэне является следующее: "Ивы зеленые, а цветы красные" или "Бамбуки прямые, а сосны искривленные". Эмпирические факты принимаются как они есть. Однако то, что отличает утверждение дзэна от простого чувственного опыта, представляет собой интуицию дзэна, которая вырастает из праджни, а не из джняны. /Праджня- трансцендентальная мудрость, джняна- относительное знание/. Именно вследствие этого учитель, когда его спрашивают, что такое дзэн, иногда отвечает: "дзэн", а иногда- "не дзэн".

Самым важным фактором в дзэне является творческий дух. Когда говорят о том, что сумие выражает дух предмета или что художник облекает в форму то, что не имеет формы, это означает, что в картине должен проявляться дух творчества. Таким образом, задача художника- не просто копировать или имитировать природу, а наделить объект чем-то живым, по праву ему принадлежащим. Так же поступает и учитель дзэна. Когда он говорит, что ива зеленая, а цветок красный, он не просто дает нам описание природы, а указывает на то, что делает зеленое зеленым, а красное- красным. Это нечто я называю творческим духом.

3. Дзэн и искусство фехтования

Письмо Такуана

Ягю Тадзиме но ками Мунэнори о тайне неподвижной праджни

Препятствия, сопровождающие стадию полного неведения

Неведение /авидья/ означает отсутствие просветления, т.е. заблуждение. Стадия полного неведения означает, что разум пребывает в определенном месте. Буддистская дисциплина насчитывает 52 стадии, из которых одна представляет собой стадию, в которой разум привязывается к любому объекту, с которым он сталкивается. Разум останавливается на одном предмете вместо того, чтобы переходить от одного предмета к другому /что он делает, когда следует своей собственной природе/.

В случае фехтования, например, когда противник пытается напасть на вас, ваши глаза сразу ловят движение его меча и вы можете попытаться последовать за ним. Но как только это случится, вы перестаете владеть собой и потерпите поражение. Это называется"остановкой", или заблуждением, отсюда "препятствия, сопровождающие стадию полного неведения".

Неподвижная праджня

Неподвижная праджня- это разум, способный к бесконечному движению.

Существует будистский бог Футо Мёо, "неподвижный". Он держит в правой руке меч и веревку в левой. Его зубы оскалены, а глаза пылают гневом. Он стоит, угрожая нечисти, пы-

тающейся осквернить учение Будды. Он символизирует неподвижную праджню, устраняющую заблуждение. Он символ неподвижности разума и тела. Не двигаться значит не останавливаться на объекте, который мы видим. Это значит, что после того, как мы его увидели, он исчез из поля зрения и разум к нему не приковывается. Когда разум "останавливается" на каждом объекте, который перед ним предстает, его волнуют всякого рода мысли и чувства. "Остановка" неизбежно ведет к движению, т.е. нарушению покоя. Хотя разум подвержен таким остановкам, сам по себе он остается неподвижным, как бы он ни был подвижен с внешней стороны.

Кваннона Босацу иногда изображают существом с тысячью рук, каждая из которых держит определенный инструмент. Если его разум "остановится", например, на стрельбе из лука, все остальные 999 рук окажутся совершенно бесполезными. Только потому, что его разум не останавливается на работе одной руки, а движется от одного инструмента к другому, все его руки оказываются предельно полезными. Однако, даже Кваннон не в состоянии иметь тысячу рук на одном теле. Это существо напоминает о том, что когда Неподвижная праджня постигнута, даже сто рук на одном теле могут служить вам тем или иным способом.

Я проиллюстрирую это другим примером.

Когда я смотрю на дерево, я замечаю, что один из листьев красный, и мой разум "останавливается" на этом листе. Когда это присходит, я вижу только один лист и не замечаю бесчисленного количества других листьев. Если я посмотрю на дерево, не отдавая предпочтения чему-то одному, я увижу все листья. Один лист с успехом "останавливает" мой разум, не давая видеть всего остального. Но когда мой разум движет-

ся, не останавливаясь, он охватывает сотни тысяч листьев. Когда это понятно, мы становимся Кваннонами.

Все новички начинают с первой стадии неведения и препятствий, достигая, в конце концов, Неподвижной Праджни, и когда они доходят до последней стадии, они обнаруживают, что она стоит рядом с первой. Этому есть свое основание.

Настоящий новичок ничего не знает о том, как нужно держать меч и как с ним обращаться, и еще меньше о том, как нужно себя вести. Когда противник пытается нанести ему удар, он инстинктивно парирует его. Это все, что он может сделать. Но как только начинается тренировка, его учат владеть мечом, учат тому, как и на чем сосредоточить свой ум- что заставляет его разум "останавливаться" на различных предметах. По этой причине всякий раз, когда он пытается нанести удар противнику, он ощущает необыкновенную скованность. Но проходят дни и годы, и по мере того, как его движения и техника владения мечом приближается к отсутствию разума, которое напоминает то умственное состояние, которым он обладал в самом начале обучения, когда он ничего не знал, когда он был абсолютным профаном. Начало и конец становятся соседями. Неведение и препятствия, которые характеризуют первую стадию, превращаются в Неподвижную Праджню последней стадии буддистской практики: умственные расчеты теряются из виду и в сознании преобладает состояние отсутствия разума, или отсутствие мысли. Когда достигается высшее совершенство, тело само выполняет то, что ему предписано, без вмешательства со стороны разума.

Искра из-под кремня, ударяющегося о сталь

"Не медлить ни доли секунды". Самое главное- не позволять разуму останавливаться на чем-либо. В самой мгновен-

ности нет проку, если разум останавливается хотя бы на мгновение.

В дзэн-буддизме спрашивают: "Кто такой Будда?"- и учитель поднимает свой кулак. "Каково высшее значение буддистского учения?"- и учитель отвечает, почти не дав вопрошающему договорить: "Ветка сливы" или "Кипарис во дворе". Дело не в том, чтобы дать подходящий ответ, а в том, чтобы не позволить разуму остановиться на чем-либо. Такой неостанавливающийся разум в своей первозданной чистоте блажен, как бог, его чтят, как Будду. Это ни что иное как разум дзэна или высший предел искусства. Ответ, данный после размышления, может быть великолепным и преисполненным мудрости, но он, в конце концов, принадлежит стадии Неведения и Препятствий.

Необходимо практиковать глубокое "куфу".

"Куфу"- не простое мышление при помощи головы, а состояние, при котором весь организм включается в решение проблемы. Японцы часто говорят о "вопросе, адресованном животу", о "мышлении при помощи живота", или о "видении и слышании животом". Это и есть "куфу". Голова отделяется от тела, но живот, который включает всю систему внутренних органов, символизирует всю совокупность всех элементов личности человека. Отличие "Мыслителя"Родэна/ от "Учителя дзэна, погруженного в медитацию" Сэккаку. И тот и другой заняты интенсивным сосредоточением разума на предмете первостепенной важности. Но скульптура Родэна, мне кажется, изображает человека, находящегося на плоскости относительного мышления, тогда как творение востока находится за пределами последнего. Следует отметить различие в позах. Один сидит на возвышении, другой- на земле. Один находится в менее тес-

ном контакте с землей, чем другой. Дзэн-буддистский мыслитель связан с самой основой всех вещей и каждая мысль его непосредственно исходит из источника бытия, из которого появились мы, дети земли. Подняться от земли даже на один фут означает отчуждение, отделение, абстракцию, уход в область анализа и разграничения. Когда человек сидит по-восточному, он как бы пускает корни глубоко в центр земли, устанавливая контакт с Великим Источником, из которого мы появились и в котором мы исчезнем.

Где держать разум

Часто задают вопрос: куда следует направлять разум? Когда он направлен на движения противника, они приковывают его. Когда он направлен на его меч, меч порабощает его. Когда он направлен на удар, который нужно нанести противнику, его поглащает идея нанесения удара.

Я отвечаю: нужно не пытаться сосредоточить разум в каком-либо месте, а позволить ему заполнить все тело, позволить ему пропитать все ваше существо. Когда это происходит, вы пользуетесь руками, когда в этом есть необходимость, ногами, когда это нужно, или глазами, когда это требуется, и не тратите никакого лишнего времени или лишней энергии.

Разум не следует привязывать на веревочку, как кошку. Он должен быть предоставлен самому себе и обладать абсолютной свободой передвижения, определяемой его собственной природой. Отсутствие локализации разума есть вершина духовной тренировки. Когда он нигде, он везде. Если он занимает одну десятую, он отсутствует в девяти десятых. Пусть фехтовальщик упражняется в предоставлении свободы своему разуму, вместо того чтобы пытаться заклю-

чить его в заранее отведенные рамки.

Разум, которого нет

Разум, не сознающий себя,- это разум, не испытывающий абсолютно никакого беспокойства. Это первозданный разум, а не разум, заблуждающийся и встречающий массу препятствий. Он всегда текуч, никогда не останавливается, никогда не твердеет. Поскольку ему чуждо всякое разграничение и поскольку ему нет необходимости отдавать чему-либо предпочтение, он заполняет все тело, охватывая каждую его часть и нигде не останавливаясь.. Он никогда не может стать подобием камня или куска дерева. Он чувствует, он движется, он никогда не отдыхает. Если он где-либо останавливается на отдых, то это не разум, которого нет. Отсутствующий разум ничего в себе не содержит. Его называют мусин и мунэн. /Мусин и мунэн- центральные идеи в дзэне; они выражают состояние, соответствующее непорочности первых обитателей Эдема или разуму Бога, собирающегося произнести слова: "Да будет свет"/.

Когда мусин или мунэн достигнуты, разум движется от одного объекта к другому, течет, как вода, заполняя каждый уголок. По этой причине разум выполняет все, что от него требуется. Но когда его течение останавливается в одном месте, все остальные места будут его лишены, и результатом будет общее одеревенение и окостенение. Колесо вращается тогда, когда оно не слишком туго сидит на оси. Если разум содержит что-либо в себе, он прекращает функционировать, он не может слышать, не может видеть, даже если звук раздается перед самым ухом, а свет вспыхивает перед глазами.

Разум, содержащий в себе что-то, означает то, что он занят чем-то одним, и у него нет времени на другое. Но пытаться изгнать мысль, уже находящуюся в нем, значит заполнить его чем-то другим. Такой труд не имеет конца. Поэтому лучше всего с самого начала ничего не держать в разуме. Это, может быть, трудно, но если вы будете продолжать практиковать куфу в отношении этого предмета, через некоторое время достигните этого состояния, сами того не подозревая. Однако ничего нельзя добиться спешкой.

Меч в руках фехтовальщика не имеет своей собственной воли, он весь из пустоты. Он подобен вспышке молнии. Человек, которому собираются нанести удар, в равной мере как и тот, кто его наносит, принадлежат пустоте. Ни один из них не обладает разумом, имеющим сущность. Поскольку каждый принадлежит пустоте и не имеет разума, человек, который нападает, не является человеком, меч в его руках не является мечом, а "я", которое противник собирается поразить, так же неуловимо, как вспышка молнии. Когда ум "не останавливается", взмах меча- это не больше, чем дуновение ветра. Ветер, вырывая с корнем деревья, не сознает того, что делает. То же можно сказать и о мече.

Такая"пустота разума" распространяется на любые виды нашей деятельности- на танцы, например, на любую работу. Когда мы привязываем кошку, боясь, что она поймает птицу, она продолжает стремиться вырваться на свободу. Но приучите кошку не бросаться на птиц, и она сможет свободно гулять где ей вздумается.

Поэтому не "останавливайте" свой разум на мече, который заносите; забудьте о том, что вы делаете, и нападайте на врага. Не сосредотачивайте свой разум на человеке, который стоит перед вами. Все в сущности пусты, однако следите за

тем, чтобы ваш разум не попал в сети самой пустоты.

На последней стадии обучения искусству фехтования учеников знакомят с тайным учением- по существу с доктриной мусин.

Что значит "Луна в воде?"

Луна не имеет намерения бросать свою тень куда-либо,
И пруд не предназначен для того, чтобы в нем селилась луна.

Как безмятежны воды Хиросавы!

Это стихотворение должно помочь постичь тайны мусина, состояния, в котором отсутствуют всякие следы искусственности, когда все предоставляется самой природе.

Его можно также сравнить с луной, отражающейся в сотнях рек: лунный свет не разделяется на такое большое количество лучей. Их создает вода. Лунный свет всегда остается неизменным, даже тогда, когда нет никакой воды, способной его отразить. Более того, лунному свету абсолютно все равно, имеется ли много водных резервуаров или только одна небольшая лужа. Такая аналогия помогает понять тайны разума. Но луна и вода представляют собой осязаемую материю, тогда как разум не имеет формы и движение его трудно проследить. Поэтому символы не представляют собой всей истины, они только указывают на нее.

Все эти цитаты показывают, что восточная мысль и культура уделяют огромное внимание реализации психического состояния, в котором "отсутствует разум". Память и ожидание- прекрасные качества сознания. Они полезны и служат определенным целям, но когда дело непосредственно касается проблемы жизни и смерти, от них следует отказаться, чтобы они

тем, чтобы ваш разум не попал в сети самой пустоты.

На последней стадии обучения искусству фехтования учеников знакомят с тайным учением- по существу с доктриной мусин.

Что значит "Луна в воде?"

Луна не имеет намерения бросать свою тень куда-либо,
И пруд не предназначен для того, чтобы в нем селилась луна.

Как безмятежны воды Хиросавы!

Это стихотворение должно помочь постичь тайны мусина, состояния, в котором отсутствуют всякие следы искусственности, когда все предоставляется самой природе.

Его можно также сравнить с луной, отражающейся в сотнях рек: лунный свет не разделяется на такое большое количество лучей. Их создает вода. Лунный свет всегда остается неизменным, даже тогда, когда нет никакой воды, способной его отразить. Более того, лунному свету абсолютно все равно, имеется ли много водных резервуаров или только одна небольшая лужа. Такая аналогия помогает понять тайны разума. Но луна и вода представляют собой осязаемую материю, тогда как разум не имеет формы и движение его трудно проследить. Поэтому символы не представляют собой всей истины, они только указывают на нее.

Все эти цитаты показывают, что восточная мысль и культура уделяют огромное внимание реализации психического состояния, в котором "отсутствует разум". Память и ожидание- прекрасные качества сознания. Они полезны и служат определенным целям, но когда дело непосредственно касается проблемы жизни и смерти, от них следует отказаться, чтобы они

не мешали текучести умственной деятельности и молниеносной быстроте действия.. Человек должен превратиться в марионетку, которой управляет рука бессознательного. Бессознательное должно взять верх над сознательным. С позиций метафизики это философия шуньяты /пустоты/. Техника фехтования основана на ее психологии, которая является конкретным применением метафизики.

4. Дзэн и чайная церемония.

I

Дзэн и чайную церемонию объединяет постоянное стремление к упрощению. Дзэн устраняет все ненужное в своем познании высшей реальности, а чайная церемония- в жизни одним из типичных проявлений которой является чаепитие в чайной. Чайная церемония- это эстетизм примитивной простоты. Ее идеал- приблизиться к Природе- воплощается в том, что вы располагаетесь под соломенной крышей в комнате едва достигающей IO кв.м, которая однако отделана и обставлена со вкусом. Хижина символизирует упрощение и является как бы частью Природы, а не творением, специально созданным человеческими руками. Принцип церемонии- совершенное подчинение первоначальной идее, лежащей в ее основе, т.е. идее избавления от всего ненужного.

Я часто связываю чайную церемонию с буддистской жизнью, которая во многом, мне кажется, несет элементы этого искусства. Чай делает ум свежим и бодрым, но не опьяняет. Если чай символизирует буддизм, то нельзя ли сказать того же самого о вине в отношении христианства? Стоя у бочки с вином и держа в руках кружки, христиане выглядят веселыми и

счастливыми. Вино сначала возбуждает, а потом опьяняет. Оно во многом резко отличается от чая; аналогичный контраст существует между буддизмом и христианством.

Дух чайной церемонии с эмоциональной точки зрения выражается в "гармонии" /ва/, "благоговении" /кэй/, "чистоте" /сэй/ и "умиротворенности" /дзаку/.

2

Иероглиф, обозначающий "гармонию", также может означать "нежность" /явараги/, и, мне кажется, термин "нежность" лучше передает тот дух, который царит на протяжении всей чайной церемонии. Гармония скорее связана с формой, тогда как нежность- с внутренним переживанием. Общая атмосфера чайной комнаты стремится пропитать этой нежностью все вокруг- предметы, к которым вы прикасаетесь, нежные, аромат в комнате нежный, она нежно освещена и звуки вы слышите нежные. Вы берете в руки чашку ручной работы, неправильной формы и иногда неровно покрытую глазурью, но несмотря на всю примитивность этот маленький прибор дышит своеобразным очарованием и нежностью, умиротворенностью и скромностью. Курильница никогда не распространяет терпкого и возбуждающего запаха, а испускает нежный аромат, наполняющий собою все. Окна и шторы также преисполнены нежного очарования, и комната всегда залита мягким и спокойным светом, который предрасполагает к созерцательному настроению. Ветерок, просачивающийся сквозь иглы старой сосны, гармонично сливается с шипением железного чайника на огне. Таким образом вся обстановка напоминает о том, кто все это сотворил.

"Самое ценное- это атмосфера нежности; самое важное- не противоречить другим"- первые слова так называемой "Кон-

ституции из I7 пунктов", составленной принцем Сётоку в 604 г.

Нежность души или мягкосердечие поистине являются основой нашей жизни на земле. Если чайная церемония имеет целью учредить свое небольшое царство Будды, она должна начинаться с нежности души. В качестве иллюстрации позвольте процетировать дзэн-будистского учителя Такуана /I573-I645/.

Такуан о чайной церемонии /тя-но-ю/

Принцип тя-но-ю заключается в духе гармонического слияния Неба и Земли и является средством установления всеобщего мира.

Давайте соорудим небольшую хижину в бамбуковой роще или под деревьями, пророем канавки для ручеков, принесем камней, посадим деревья и кусты, в то время как внутри хижины насыпем кучку древесного угля, установим чайник, принесем цветов и приготовим все необходимые чайные приборы. И пусть все это служит одной цели- чтобы в этой хижине мы наслаждались ручеками и камнями так, как мы наслаждаемся реками и горами в Природе, чтобы мы имели возможность испытывать чувства и настроения, вызываемые в нас снегом, луной, деревьями и цветами, преображающимися со сменой времен года, проявляющимися и исчезающими, расцветающими и увядающими. Поскольку к посетителям здесь относятся с должным почтением, мы сидим спокойно и слушаем, как в чайнике кипит вода; этот звук напоминает нам свист ветра, просачивающегося сквозь иглы сосны, мы забываем о всех мирских несчастьях и бедах; затем мы наливаем полный черпак воды из чайника, что напоминает нам о горном ручье, и все это снимает пелену с нашего разума. Это поистине мир отшельников или святых,

живущих на земле.

Чайная пропитана атмосферой, создающей гармонию между всеми, кто сюда приходит. Сколько бы не длилось общение, атмосфера почтительности сохраняется постоянно. Можно сказать, что здесь царит дух улыбающегося Кашьяпы и кивающего головой Соси; этот дух можно выразить словами: таинственная реальность, которая выше всякого понимания.

Чистота, составляющая душу чайной церемонии, является, можно сказать, свойством японского интеллекта. Чистота-это чистоплотность, порядок, который соблюдается везде и во всем, что связано с этим искусством. Свежая вода в большом количестве используется в саду: если естественный водный источник отсутствует, поблизости от чайной сооружают бассейн и наполняют его водой, которую тщательно оберегают от пыли и грязи.

Чистота в чайной церемонии напоминает нам о даосистском учении о чистоте. Им присуще нечто общее, так целью дисциплины в том и другом случае является освобождение разума от скверны ощущений.

Один знаток искусства чайной церемонии говорит: "Суть тя-но-ю в очищении шести чувств от скверны. Когда человек видит какэмоно в токономе /ниша/ и цветок в вазе, очищается его чувство запаха; когда он слушает, как кипит вода в железном чайнике и как она капает из бамбуковой трубки, очищается его слух; когда он пробует чай, очищается вкус; и когда он держит в руках чайные приборы, очищается его осязание. Когда таким образом все органы чувств очищаются, сам разум очищается от скверны. Искусство чайной церемонии представляет собой духовную дисциплину и мое наслаждение каждым часом дня связано с духом чая, что ни в коем случае не является простым развлечением."/Из "Хагакурэ" Накано

Кадзуми/.

В одном из стихотворений Рикю /1521-1591, основоположник чайной церемонии/ мы читаем:

Несмотря на то, что радзи призван быть проходом,
Находящимся за пределами этой земной жизни,
Как только люди умудряются
Осыпать его пылью разума? /Радзи - двор/

Здесь, так же как и в следующих стихотворениях, он описывает свое собственное умственное состояние, которое он испытывает, когда, сидя в своей чайной, устремляет спокойный взор в окно:

Весь двор
Покрыт опавшими
Иглами сосны;
В воздухе ни пылинки,
И спокоен мой разум!
Луна
С высоты небес
Заглядывает сквозь шторы,
Освещает разум,
Невозмутимый сожалением.

Это поистине разум чистый, безмятежный и свободный от волнующих его эмоций, разум, который может наслаждаться одиночеством Абсолюта.

Покрытая снегом горная тропа,
Извивающаяся между скал,
Пройдена, наконец.
Вот хижина стоит,
Учитель в полном одиночестве;
У него нет посетителей,
И не ожидается.

В книге "Намбо-року", которая является одним из самых важных, почти священных учебников по искусству чайной церемонии, мы читаем: "Суть ваби выражается в создании буддисте-

кого царства чистоты, совершенно свободного от скверны, и поэтому в этом родзи и в этой соломенной хижине не должно быть ни пылинки; отношения между хозяином и посетителями, а также между самими посетителями должны быть абсолютно искренними; никакие обычные нормы поведения, этикет или условность недопустимы. Затапливают печку, кипятят воду и подают чай: это все, что здесь нужно, никакие другие мирские идеи не должны примешиваться. Ибо, то, что нам здесь нужно,- это полностью выразить разум Будды. Когда церемонность, этикет и другие подобного рода вещи подчеркиваются, вкрадываются всякие мирские мысли, и хозяин и посетители в равной степени чувствуют склонность выискивать недостатки друг у друга. Таким образом становится все труднее и труднее встретить людей, по-настоящему понимающих значение этого искусства. Если бы хозяином был Дзё-сю, а Бодхидхарма, первый патриарх дзэна, гостем, а Рикю и я собирали бы пыль в родзи, то разве такое общество не было бы идеальным?"

Следующий раздел будет посвящен разъяснению смысла понятия "саби" или "ваби", понятия, составляющего четвертый принцип искусства чайной церемонии- безмятежность. Фактически, это самый существенный элемент этого искусства, и без него не может быть никакой тя-но-ю. Именно в этом отношении искусство чайной церемонии, действительно, неразрывно связано с дзэном.

3

Термин "саби" включает в себя не только безмятежность. В чайной церемонии он означает "бедность", "простоту", "одиночество", и здесь "саби" становится синонимом "ваби".

Чтобы по достоинству оценить бедность и принимать все, что бы ни давалось судьбой, необходим спокойный и пассивный разум, но как в саби, так и в ваби есть также элемент объективности. Всегда существует нечто объективное, что пробуждает в человеке настроение, которое можно назвать ваби. В нем содержится активное эстетическое начало, и когда оно отсутствует, бедность становится нуждой, одиночество превращается в остракизм, мизантропию или бесчеловеческую необщительность. Саби или ваби можно определить как активное, эстетическое отношение к бедности; когда о ней упоминается в связи с чайной церемонией, она означает творческое переустройство окружающей среды таким образом, чтобы пробудить чувство ваби или саби. В наши дни использование этих терминов сводится к тому, что саби скорее относится к индивидуальным объектам и окружающей среде в целом, а ваби- к жизни, которую обычно связывают с бедностью, необеспеченностью или несовершенством. Таким образом, саби более объективно, тогда как ваби отличается элементом субъективного или личного характера. Мы говорим о "ваби-дзумай", "жизни в духе ваби", но когда мы оцениваем такие предметы, как чайница, чашка или ваза для цветов, мы часто говорим, что они содержат привкус саби или канми. "Кан" и "саби" являются синонимами, а "ми" означает "привкус!" Насколько мне известно, чайным приборам никогда не приписывают "привкуса ваби".

Первое из двух стихотворений выражает, как полагают, идею "ваби", а второе- "саби".

Среди сорной травы, растущей вдоль стены,
Прячутся сверчки, будто всеми позабытые,
Когда в саду становится мокро от осенних ливней.

Чтобы по достоинству оценить бедность и принимать все, что бы ни давалось судьбой, необходим спокойный и пассивный разум, но как в саби, так и в ваби есть также элемент объективности. Всегда существует нечто объективное, что пробуждает в человеке настроение, которое можно назвать ваби. В нем содержится активное эстетическое начало, и когда оно отсутствует, бедность становится нуждой, одиночество превращается в остракизм, мизантропию или бесчеловеческую необщительность. Саби или ваби можно определить как активное, эстетическое отношение к бедности; когда о ней упоминается в связи с чайной церемонией, она означает творческое переустройство окружающей среды таким образом, чтобы пробудить чувство ваби или саби. В наши дни использование этих терминов сводится к тому, что саби скорее относится к индивидуальным объектам и окружающей среде в целом, а ваби- к жизни, которую обычно связывают с бедностью, необеспеченностью или несовершенством. Таким образом, саби более объективно, тогда как ваби отличается элементом субъективного или личного характера. Мы говорим о "ваби-дзумай", "жизни в духе ваби", но когда мы оцениваем такие предметы, как чайница, чашка или ваза для цветов, мы часто говорим, что они содержат привкус саби или канми. "Кан" и "саби" являются синонимами, а "ми" означает "привкус! Насколько мне известно, чайным приборам никогда не приписывают "привкуса ваби".

Первое из двух стихотворений выражает, как полагают, идею "ваби", а второе- "саби".

Среди сорной травы, растущей вдоль стены,
Прячутся сверчки, будто всеми позабытые,
Когда в саду становится мокро от осенних ливней.

Полынь в саду
Начинает увядать снизу;
Осень стареет,
Цвета ее блекнут;
Сердце мое почему-то
Наполняется грустью.

Говорят, что идея саби заимствована у мастеров ронги /средневековый поэтический жанр/, которые давали высокую эстетическую оценку вещам, свидетельствующим о возрасте, безжизненности, оцепенении, холодности, мрачности, являющимися отрицательными чувствами в отличие от теплоты, весны, просторности, прозрачности и т.д. Фактически, эти чувства порождены бедностью и несовершенством, но в то же время не лишены элемента высшего эстетического наслаждения. Знатоки искусства чайной церемонии скажут, что это "объективно отрицаемое субъективное утверждение посредством которого внешняя пустота наполняется внутренним богатством.

В этом смысл дзэн-будистского выражения: "Наполнить превратившуюся в лохмотья рясу монаха прохладным, освежающим ветром". Внешне никакого знака отличия, весь внешний вид противоречит внутреннему содержанию, которое во всех отношениях бесценно. В таком случае жизнь в духе ваби можно определить как невыразимую, тихую радость, скрывающуюся глубоко под покровом полнейшей бедности, а искусство чайной церемонии стремится к художественному выражению этой идеи.

Но если сюда примешивается малейшая неискренность, весь эффект совершенно пропадет. В основе этого искусства должны лежать неподдельные внутренние сокровища, и в то же время должно создаваться впечатление, будто их там вовсе не нет, они должны обнаружиться случайно. В начале вы совер-

шенно не подозреваете о том, что здесь есть нечто необычное, однако, что-то привлекает вас- подходите ближе, внимательно присматриваетесь и вдруг обнаруживаете сверкающую глыбу золота среди неизвестного. Но само золото всегда остается тем же, независимо от того, находите вы его или нет. Оно сохраняет свою реальность, т.е. искренность по отношению к себе, не взирая ни на какие случайности. "Ваби" значит быть верным себе. Хозяин спокойно живет в своей скромной хижине, неожиданно к нему заходит друг, подается чай, приносят свежие цветы, и посетитель приятно проводит время, наслаждаясь дружеской беседой и гостеприимством. Разве это не самая настоящая чайная церемония?

Сотан, внук Рикю, при котором ваби обрело реальную жизнь, говорит: "Ваби означает недостаточное количество вещей, невозможность удовлетворить каждое желание, это, как правило, жизнь, связанная с бедностью и унынием. Человек в отчаянии останавливается на своем жизненном пути, т.к. не может идти дальше- вот что такое ваби. Но он не тяготится таким положением вещей. Он научился довольствоваться самым малым. Он не ищет ничего, что ему недоступно. Он перестал осознавать тот факт, что он находится в трудном положении. Если бы, однако, в его разуме возникла идея бедности, необеспеченности или общей безысходности его положения, его жизнь лишилась бы элемента ваби, и он превратился бы в человека, страдающего от бедности. Те, кто действительно знает, что такое ваби, лишены зависти, неистовства, злобы, ленности, беспокойства и глупости. Таким образом, ваби соответствует Парамите Нравственности, соблюдаемой буддистами."

В ваби эстетика соединена с нравственностью или духовностью, и поэтому знатоки чайной церемонии заявляют, что чай- это сама жизнь, а не просто вещь, доставляющая удовольствие, каким бы утонченным оно не было.

В некотором смысле религия может быть определена как путь, позволяющий избежать банальности этой мирской жизни. Ученые могут возразить, что религия стремится не избежать жизни, а пойти за ее пределы с целью достижения Абсолютного и Бесконечного. Но с практической точки зрения, когда человек совершает такой побег, он не располагает достаточным временем для передышки и восстановления сил. [redacted], Дзэн, будучи духовной дисциплиной, также стремится к этому, но поскольку он слишком трансцендентален, слишком недоступен для обыкновенных умов, знатоки чайной церемонии, изучавшие дзэн, придумали способ воплощать свое понимание на практике в форме искусства чайной церемонии.